

УДК 123; 159.9; 304; 316.6; 316.7; 39

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ОПИСАНИЯ ТИПИЧНЫХ СИТУАЦИЙ И ФОРМ ПОВЕДЕНИЯ

© А. Е. Сериков

Сериков Андрей Евгеньевич
кандидат философских наук,
доцент
заведующий кафедрой
гуманитарных
и естественнонаучных
дисциплин
Самарская
гуманитарная академия
e-mail: aeserikov@mail.ru

Согласно одной из моделей человеческого поведения, оказываясь в типичных ситуациях, люди обычно выбирают один из возможных вариантов, типичных для данной ситуации. Культура и общество могут быть описаны как совокупности подобных типичных ситуаций и вариантов поведения. А для систематического описания и анализа ситуаций и форм поведения можно использовать художественные повествования. То, как это можно было бы сделать, обсуждается на основе пробного анализа пяти женских романов.

Ключевые слова: поведение человека, грамматика поведения, культура, общество, ситуация, практики, фрейм, сценарий, базовый уровень абстракции, женские романы.

В основе моего интереса к типичным ситуациям и формам поведения человека лежит старый философский вопрос о свободе и творчестве. В какой мере действия людей свободны и насколько оригинальны их размышления и поступки? Нельзя ли предположить, что в большинстве случаев мы просто подражаем друг другу, бессознательно выбирая под влиянием внешних и внутренних факторов какие-то типичные варианты? Если это хотя бы в какой-то степени верно, то должна существовать возможность описания некой «грамматики поведения». При наличии такого описания можно было бы оценить свои претензии на оригинальность, сравнивая собственное поведение с типичным. Когда описывают грамматику того или иного языка, опираются на корпус текстов.

Аналогично, грамматика поведения может быть описана лишь с использованием базы данных, содержащей описания типичных форм поведения. Такой базы данных не существует, и я обдумываю способы ее создания. Ниже обсуждается один из возможных способов — анализ художественных повествований.

С вопросом о свободе связан ряд других. Чем социальные практики одного общества отличаются от практик другого? От чего они зависят? Как эволюционирует культура? Как эволюция культуры и общества связана с эволюцией генетических предпосылок поведения? В этой области много теоретических споров, но мало систематических эмпирических описаний повседневного поведения людей разных обществ, культур, эпох. Особенно редки описания того общества, в котором живем мы сами.

Традиционные методы исследования повседневного поведения — различные формы наблюдения и интервью — являются очень трудоемкими и, как правило, применяются для решения задач, согласованных с заказчиком исследования. Соответственно, обычно исследуется потребительское, политическое, трудовое поведение и поведение людей с отклонениями. При этом результаты большинства исследований не публикуются, поскольку используются заказчиками для достижения их коммерческих или политических целей. Большая часть социальных практик или типичных форм поведения остаются «за кадром», а в социологической, антропологической и психологической литературе обычно обсуждаются лишь отдельные примеры *ad hoc*, призванные проиллюстрировать ту или иную теоретическую идею. Когда каждый теоретик приводит свои частные примеры и нет общей эмпирической базы, научные дискуссии превращаются в мировоззренческие, где участники излагают свое *credo*, но с трудом находят общий язык. Поэтому систематических описаний человеческого поведения остро не хватает для того, чтобы сдвинуть такого рода споры с мертвой точки.

Эту проблему можно было бы решить, если научиться делать такие описания на основе анализа художественных историй. Ведь помимо антропологов, социологов и психологов существует еще один тип профессиональных наблюдателей за людьми — писатели. И все результаты их наблюдений — в открытом доступе. Если предположить, что рассказы, повести и романы содержат в себе описания повседневного поведения, то можно попробовать использовать их как материал для анализа.

* * *

Конечно, никакие сбор и анализ эмпирического материала невозможны без теоретических и методологических предпосылок. В основе моего подхода лежат следующие идеи. Во-первых, несмотря на существенные отличия повседневной реальности и реальности художественных произведений, между ними существует определенная связь: при создании художественных произведений авторы во многом опираются на свой повседневный опыт, а читатели в своем поведении часто подражают не только реальным образцам, но и образцам, заимствованным из художественных текстов. Поэтому мы вправе рассчитывать на то, что в художественных текстах встречаются не только вымышленные описания, связанные с особенностями жанра или стилем повествования, но и описания реальных повседневных ситуаций и форм

поведения. Скажем, повествования русскоязычных авторов могут быть источниками информации о повседневной русской культуре, сочинения американских и китайских авторов — об американской и китайской культурах. А совместный анализ таких произведений может быть основой сравнения соответствующих культур.

Во-вторых, я исхожу из следующей модели человеческого поведения: человек в определенном типичном состоянии и определенных типичных обстоятельствах, существенных для него в данном состоянии, обычно реализует одну из типичных для этого состояния и обстоятельств форм поведения. Выбор этой формы поведения может осознаваться или происходить бессознательно. Если комплекс типичного состояния и типичных обстоятельств обозначить как типичную ситуацию, то можно предположить, что каждое общество характеризуется конечным набором определенных типичных ситуаций и типичными для каждой из этих ситуаций формами поведения. Типичные ситуации и формы поведения — это те, которые без труда распознаются большинством представителей данного общества и которые достаточно легко можно обозначить, используя средства обыденного языка.

В-третьих, основные факторы поведения — это биологическая предрасположенность, бессознательно усвоенные культурные коды, социальные санкции и технологические инновации. Соответственно, ситуации и формы поведения, связанные с биологическими предпосылками, имеют общие, универсальные для всех людей черты. А те аспекты ситуаций и форм поведения, которые связаны с культурой, социальными правилами и технологиями, не совпадают в различных культурах, обществах и эпохах.

В-четвертых, ситуации бывают необычные, и тогда люди пытаются их понять по аналогии с обычными. Иногда люди реализуют нетипичные для данной ситуации формы поведения, как правило используя формы поведения, типичные для других ситуаций. Иногда люди реализуют формы поведения, неуместные в данных культуре и обществе, но уместные в других. Типичные формы поведения реализуются всегда немного по-разному, поскольку абсолютно точное подражание невозможно. Эти и некоторые другие механизмы лежат в основе эволюции как типичных ситуаций, так и типичных форм поведения.

* * *

Как соотносятся термины «типичная ситуация» и «формы поведения» с другими аналогичными терминами когнитивных и социальных наук? Не было бы более правильным писать о типичных сценариях (скриптах) и ролях, о повседневных практиках и их контексте (фоне), о фреймах и взаимодействиях? Это вопрос не праздный и очень непростой, потому что за терминами скрываются различия в теоретических представлениях.

Я отталкиваюсь от психологической дискуссии о том, какую роль в поведении играют личность и ситуация. Эта дискуссия разгорелась в 1968 г. после публикации книги Уолтера Мишела «Личность и оценка»¹. Мишел

---

¹ *Mischel W. Personality and assessment. Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates. 1996 (1968). URL: http://books.google.ru/books?id=K9iSmMooJTcC&pg=PA1918&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false*

усомнился в том, что исследование личностных черт позволяет предсказывать поведение человека, на чем настаивали представители психологии личности. Социальные психологи в этой дискуссии заняли противоположную позицию: поведение определяется не личностными чертами, а ситуацией и тем, как она воспринимается. Эта точка зрения обоснована в книге Ли Росса и Ричарда Нисбетта «Человек и ситуация»². Компромиссную позицию занимают Дэвид Магнуссон и другие так называемые «интеракционисты»: свойства личности и ситуации признаются ими взаимодействующими. Их тексты, как и тексты других участников дискуссии, можно найти в хрестоматии «Психология социальных ситуаций»³. Споры не прошли даром. Современные психологи личности учитывают, что многие личностные черты проявляются только в определенных ситуациях, а социальные психологи при описании ситуаций и типичного для них поведения делают акцент не только на внешних обстоятельствах, но и на состоянии того, кто в них оказывается. Используемая мной терминология отражает именно такую точку зрения, но с социологической поправкой на то, что ситуация воспринимается не только сквозь призму психофизиологического состояния, но и социального статуса (в самом широком смысле этого понятия).

В настоящее время дискуссия в психологии продолжается. Один из ее современных участников Дэвид Фандер предлагает эмпирически исследовать корреляции личности, ситуаций и поведения на основе созданных им и его коллегами списков типичных ситуаций и типичных вариантов поведения⁴. Их список ситуаций на сегодняшний день включает 90 пунктов⁵, многие из которых довольно абстрактны. Например, «1. Ситуация возможного наслаждения» или «2. Ситуация сложная». Список вариантов поведения — 68 пунктов⁶, многие из которых акцентируют внимание не на том, что человек делает, а на психологических характеристиках его действия. Например, «6. Выглядит расслабленным, в состоянии комфорта», «8. Ведет себя сдержанно и невыразительно», «14. Сравнивает себя с другими (независимо от того, присутствуют другие или нет». То есть эти списки разработаны для решения специфических задач психологии и не вполне могут быть использованы для целей социального и культурологического анализа.

В социологии термин «ситуация» обычно употребляется в контексте идей символического интеракционизма, когда речь идет об уникальных определениях и переопределениях ситуаций участниками социального взаимодействия.

---

² Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского ; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. М.: Аспект Пресс, 1999.

³ Психология социальных ситуаций / под ред. Н. В. Гришиной. СПб.: Питер, 2002.

⁴ Funder D. C. Persons, behaviors and situations: An agenda for personality psychology in the postwar era // Journal of Research in Personality 43 (2009) P. 120–126.

⁵ Riverside Situational Q-sort Version 4.0. URL: <http://rap.ucr.edu/qsorter/RSQ%204-0.pdf>

⁶ The Riverside Behavioral Q-set (RBQ) Version 3.11. URL: <http://rap.ucr.edu/qsorter/RBQ3-11.pdf>

В рамках этой теоретической перспективы считается, что все ситуации различны, потому что человек в конечном счете сам конструирует свои ситуации. Поэтому следует подчеркнуть, что «типичные ситуации» в данном исследовании — это не ситуации символических интеракционистов.

Желание отмежеваться от терминологии интеракционистов — одна из причин, по которой в современной социологии повседневности говорят не о ситуациях, а о контексте практик или о фреймах взаимодействия. Мое понимание поведения опирается на многие идеи, лежащие в основе современных теорий практик. В частности, я не думаю, что существуют правила типичного поведения, как они трактовались в структурализме. Типичная ситуация предполагает более-менее автоматический выбор между типичными вариантами поведения, но здесь нет правил, понимание которых сводилось бы к их вербальному описанию и истолкованию. Скорее, если следовать позднему Витгенштейну и Солу Крипке, чье-то понимание правил оценивается другими членами общества на основе практикуемого поведения, на основе некоторой интуитивно понимаемой меры его соответствия типичным практикам. Типичная ситуация — это типичные обстоятельства, воспринимаемые сквозь призму типичного социального и психофизиологического состояния. Инструментом понимания ситуации и выбора формы поведения является не просто сознание человека, а все его тело — то, что в теории Пьера Бурдьё называется габитусом.

Приведу пример того, как современный представитель теории практик может рассуждать о поведении. Вадим Волков в одной из радиопередач говорит о работе судей: «Для социолога ничего не происходит в человеческой голове. Оно туда попадает под действием внешних сил, но человек может испытывать иллюзии, что он сам принимает это решение и что он действительно принимает его в своей голове. Мы исходим из того, что судья помещен в организационный контекст, у него есть начальники, у него есть коллеги, это сообщество, которое на него давит. Есть другие группы, типа гособвинения, которые обладают властью, некоторыми властными механизмами влияния на решение судьи. Судья, у него есть социализация, он все-таки где-то вырос, у него есть определенные ценности... Он служащий в организации, и принимает решение, на самом деле, целая организация. Когда он принимает то или иное судебное решение, он предвосхищает позицию вышестоящего суда в случае обжалования этого решения, а судья боится отмены решения. Он понимает, какое решение нужно принять, чтобы риск отмены был минимален...»⁷

А вот как он характеризует поведение судей во время интервью: «Если вы хотите более содержательное интервью, то вы интервьюируете судей, которые вышли в отставку. Причем желательно — недавно. Они носители той же практики, которая сейчас не изменилась, их знания такие же, как и действующих судей, но они не при должности, они уже получили свою пенсию, им интересно говорить, они охотно идут на интервью, охотно рассказывают и свою биографию, и эпизоды, и свои решения. В этом смысле отставные судьи — более интересные респонденты, чем те, которые при должности. Если интервью проходит в зале

---

⁷ Профессия ученый. Вадим Волков. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BAkCWz0mKU&feature=youtu.be>

суда или в кабинете судьи, то это — да, это очень трудное интервью. И в итоге вы получите цитирование УК и УПК. Интервьюирование должно быть вне рабочего зала, места, тогда оно дает больше, а выход в поле - это действительно тяжелейшая вещь»⁸.

Из этих цитат видно, что контекст практик может включать и социальный статус, и психофизиологическое состояние, и различные обстоятельства. То есть «контекст практик» вполне соотносим с «типичной ситуацией», как я ее понимаю. Но типичная ситуация все же имеет некие границы, что позволяет вычленять ее описание в нарративе, соотносить с наблюдаемыми или описываемыми событиями. Контекст, о котором идет речь в теории практик — это их тотальный фон, вплоть до условий социализации и прочих особенностей биографии действующих лиц; ситуация — это лишь некоторый аспект фона, который соотносится с конкретными событиями, с конкретными возможными (и невозможными) в этой ситуации формами поведения. Например, вышедший в отставку судья, которого интервьюируют в домашних условиях, — это одна ситуация, а судья на работе — это другая ситуация.

Тогда, может быть, лучше употреблять другой принятый в социологии термин — «фрейм»? Соотношению «практик» и «фреймов» Виктор Вахштайн посвятил первую главу своей книги «Социология повседневности и теория фреймов». Вот некоторые из его выводов: концепт «практик» выражает идею континуальности, поскольку границы практик установить почти невозможно, тогда как «фрейм» эксплицирует идею дискретности повседневной жизни, фреймы всегда имеют четкие границы. Практики и их фон рекурсивны, они легко могут поменяться местами; контекст в теории фреймов не рекурсивен. Контекст практик — это другие практики, а фрейм — это метакоммуникативная рамка взаимодействия и тем самым онтологически отличается от взаимодействия как такового. «Если в практико-ориентированной социологии контекст определяется как фон, то для теории фреймов контекст — это в первую очередь *форма*»⁹.

Вахштайн иллюстрирует эти различия, используя пример, приведенный Волковым: на автобусной остановке прибита табличка «Памятники. Надписи и портреты. Плитки. Адрес: Свеаборгская д.58, телефон: 298-44-99». «Но как же мы понимаем, что имеются в виду не памятники архитектуры, не живописные портреты и не кафельные плитки, а некоторые надгробные атрибуты? Вот здесь уместно сказать о фоновом или неявном знании или о знаниях фоновых практик обращения с умершими, как это принято в нашей культуре»¹⁰. Вахштайн предлагает представить объявление о розыске человека, разместившего объявление о памятниках, табличках и плитках, с просьбой к тем, кто его видел, обратиться в УВД. Такой рефрейминг будет актуализировать другое

---

⁸ Волков В. В. Как работают суды общей юрисдикции в России, 13 октября 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/10/13/volkov/>

⁹ Вахштайн В. С. Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 56.

¹⁰ Волков В. В. Как работают суды общей юрисдикции в России, 13 октября 2013. С. 15. URL: <http://polit.ru/article/2013/10/13/volkov/>

фоновое знание — о том, как обращаться с правоохранительными органами. Значит, кроме фоновых практик, понимание связано с некоторыми метакоммуникативными кодами, которые несет новая рамка. «Главным дополнительным метакоммуникативным сообщением здесь является сама табличка, “говорящая” читателю, какую именно схему распознавания следует применить к данному тексту <...>. Мы можем говорить о табличке, прибитой к фонарному столбу, как об определенном контексте повседневного сообщения, независимо от того, что именно на ней написано»¹¹.

Что здесь можно было бы назвать «типичной ситуацией» и «типичными формами поведения»? Табличка, пример которой приводит Волков, — это типичные обстоятельства, в которых мог оказаться житель русского города в 1990-х. Особенно, если с данной автобусной остановки шли автобусы в сторону кладбища. Сегодня такие таблички почти не увидишь, потому что городские власти с ними борются, за размещение объявлений сегодня приходится платить деньги — это признак новой эпохи, наличия новых социальных правил. Табличка, которую вообразил Вахштайн, — вообще не реальна, такие объявления не размещались в наших городах никогда. То есть Волков приводит пример типичного обстоятельства, Вахштайн — нетипичного. Но подобное обстоятельство еще не создает ситуацию. Одна из возможных типичных ситуаций будет заключаться в том, что человек будет ждать автобуса в сторону кладбища и думать о необходимости поставить памятник на могиле недавно похороненного родственника. В этой ситуации он увидит объявление и вероятными типичными формами поведения будут: прочитать и запомнить номер телефона (если у человека хорошая память), прочитать и записать номер телефона (если есть куда и чем записывать), прочитать и сразу позвонить (если есть мобильный телефон) и т. п. Другая типичная ситуация: человек спешит, бегом подбегает к стоящему автобусу и запрыгивает в него. В этой ситуации он вообще не увидит объявления. Третья типичная ситуация: человек, редко бывающий на кладбище, у которого никто не умер, скучает на остановке в ожидании своего автобуса. Например, это студент, который едет на лекции. С большой вероятностью он прочтает все объявления на остановке, но не будет ни запоминать, ни записывать номер телефона, по которому можно заказать памятник. Четвертая типичная ситуация: автобуса ждет человек, увлеченно читающий книгу. Он, скорее всего, объявления не заметит вообще. И т. д.

«Типичные повседневные ситуации» можно соотнести с «первичными фреймами» Ирвина Гофмана. В той мере, в какой фрейм — это схема интерпретации и матрица возможных событий, ситуацию можно было бы назвать фреймом. Но анализ ситуаций — не то же самое, что фрейм-анализ. Анализ ситуаций нацелен на описание грамматики типичного поведения, фрейм-анализ описывает метакоммуникативные коды фреймов. Коммуникационные коды — это знаки языка или иного взаимодействия, т. е. некоторые элементы поведения, выступающие как знаки. Метакоммуникационные коды — это другие элементы того же поведения или некоторые элементы обстоятельств (рамка,

---

¹¹ *Вахштайн В. С.* Социология повседневности и теория фреймов. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 58–60.

сцена, кавычки и т. п.), указывающие на то, какой тип коммуникации имеет место. Метакоммуникационные коды могут присутствовать как в самой ситуации (знаки статуса, признаки эмоций на лице и в теле, вербальные разъяснения, дата и время, границы, стены, двери и т. п.), так и в поведении (все те его аспекты, что отличают реальность от игры, серьезное высказывание от шутки и т. п.). Так что типичная ситуация — это не то же самое, что фрейм.

Метакоммуникативные коды фреймов часто не осознаются ни героями, ни авторами историй, так же как они не всегда осознаются в реальности. Мы их понимаем, но не обращаем на них внимания. Они во многом действуют автоматически. Поэтому не все авторы историй их описывают. Часто вместо описания метакодов авторы напрямую говорят о состоянии героя и обстоятельствах, в которых он себя обнаруживает, о его мыслях, чувствах и действиях. Поэтому вполне можно рассчитывать найти в художественных произведениях описания типичных ситуаций, но не описания фреймов.

Кроме того, в социологии обычно говорят о фреймах взаимодействия, однако многие типичные ситуации не предполагают явного взаимодействия. Например, «голодный человек заглянул в холодильник» или «замерзший человек открыл дверь и зашел в дом, чтобы согреться» — в этих примерах человек взаимодействует с актантами-вещами и лишь опосредованно — с людьми, которые из изобрели, произвели, установили и т. д. А если «изнывающий от жары человек зашел в реку, чтобы охладиться», будем ли мы называть реку актантом, а купание в ней — взаимодействием? В этом контексте термин «поведение» кажется более точным.

Поскольку речь идет не просто о типичных ситуациях, а распознавании их описаний в текстах, можно было бы использовать терминологию Роджера Шанка и Роберта Абельсона. Работая над проблемами искусственного интеллекта, они еще в 1975 г. сформулировали следующую идею: чтобы компьютерные программы понимали простейшие человеческие истории, в них нужно заложить знание о типичных повседневных сценариях (scripts). Сценарий — это «структура, которая описывает подходящую для определенного контекста последовательность событий. Сценарий устроен как набор ячеек (slots) и требований к тому, что может заполнять эти ячейки. Эта структура — взаимосвязанное целое, и содержимое одной ячейки влияет на то, что может находиться в другой. Сценарии имеют дело со стилизованными повседневными ситуациями. Они не подвержены сильным изменениям, так же как не позволяют иметь дело с новыми ситуациями, для чего существуют планы. <...> Сценарий — это предопределенная, стереотипная последовательность действий, определяющая хорошо знакомую ситуацию. Сценарий, по сути, — это очень скучная маленькая история. <...> Обычно, история — это сценарий с одним или несколькими интересными отклонениями»¹².

Шанк и Абельсон приводят следующий пример: «Джон пошел в кафе, где заказал гамбургер и колу, затем он попросил у официантки счет и ушел». Это

---

¹² Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, and knowledge. Proceedings of the 4th international joint conference on Artificial intelligence, Tbilisi, USSR — September 03 - 08, 1975. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers Inc., 1975. Vol. 1. P. 151.

исходный сценарий. Одно из возможных отклонений: «Официантка принесла холодный гамбургер, Джон оставил ей очень маленькие чаевые». То есть под отклонениями от сценария можно понимать различные возможные в данной ситуации формы поведения. Но Шанк и Абельсон приводят и другие примеры отклонения от данного исходного сценария, такие как изменение самой ситуации.

Таким образом, у Шанка и Абельсона ситуация определяется последовательностью действий и речь идет не столько о том, как состояние героя и обстоятельства влияют на его поведение, сколько о типичных историях. Например, ресторанный сценарий разбивается на следующие последовательные сцены: вход в ресторан, заказ блюд, еда, уход из ресторана. Каждая сцена разбивается на действия, такие как: попросить счет, получить счет, оставить чаевые и т. д. Я же хочу сделать акцент на различии состояния героя и обстоятельств поведения, с одной стороны, и возможных в этих обстоятельствах формах поведения, с другой.

* * *

Можно выдвинуть гипотезу, что большинство ситуаций, описанных в популярных художественных произведениях, являются типичными в том смысле, что они легко узнаются большинством читателей. С этой точки зрения, чем популярнее произведение, чем большее количество человек его читает и как-то понимает, тем более типичными являются ситуации, которые там описаны. Это предположение, конечно, следует проверять. Но его можно положить в основу выбора произведений, из которых будут извлекаться описания типичных для той или иной страны и эпохи социально-культурных ситуаций и форм поведения. Кроме того, чтобы получить описания, типичные для современной России, следует исключить анализ заведомо сказочных и фантастических произведений, а также исторических и тех, где события происходят в других странах.

Какие авторы и произведения являются наиболее популярными в нашей стране в последнее время? Большинство книг, которые являются лидерами продаж в соответствии с самыми разными рейтингами, — это книги зарубежных авторов, научная фантастика и фэнтези, сказки и сказочные притчи, исторические романы и т. п. Возможно, такой результат напрочь опровергает исходную предпосылку, что наиболее типичные ситуации — это те, что описаны в наиболее популярных книгах. Получается, что популярными являются как раз книги, в которых описаны ситуации исторические, заграничные, сказочные и фантастические. Не менее популярные категории — это женские детективы и романы о любви, а также боевики и романы о войне. В целом можно предположить, что наиболее популярны книги, в которых с героями происходят события необычные для большинства их читателей, выходящие за рамки повседневности.

Тем не менее в большинстве книг необычные приключения героев происходят на фоне типичных ситуаций или включают в себя более-менее типичные ситуации, если под типичными понимать ситуации легко узнаваемые, легко относимые к той или иной категории обыденного языка. Поэтому я предполагаю, что в тех популярных книгах, где события происходят в

современном российском городе, описаны типичные ситуации современной городской жизни. И в качестве предварительного материала для анализа ситуаций можно взять именно такие произведения. Если анализ художественных нарративов в целом себя оправдывает, в будущем можно будет подумать о методах формирования более репрезентативной выборки текстов.

Популярное произведение можно операционально определить как произведение, неоднократно входящее в различные списки лидеров продаж. Таких списков существует много, и если из них исключить фантастику, исторические романы и произведения, в которых события происходят в советское время или за границей, то наиболее часто в этих списках за последние несколько лет встречаются произведения таких авторов, как Дарья Донцова, Татьяна Устинова, Оксана Робски, Сергей Минаев. Другой подход — опросы общественного мнения. Согласно опросу ВЦИОМ, в 2016 г. самыми популярными в России писателями были Дарья Донцова и Татьяна Устинова¹³. Таким образом, большинство подходящих для анализа произведений — это так называемые «женские романы». Исходя из этого и поскольку у меня был доступ к нескольким бумажным изданиям последних романов Татьяны Устиновой, именно их я выбрал в качестве основного материала для своего предварительного исследования. Это были романы «Шекспир мне друг, но истина дороже»¹⁴, «Чудны дела твои, Господи!»¹⁵, «Ждите неожиданного»¹⁶, «Селфи с судьбой»¹⁷. Еще я проанализировал роман Оксаны Робски «Casual»¹⁸, чтобы иметь возможность хотя бы предварительно сопоставить описания двух разных авторов.

* * *

Не все описанные в романах ситуации типичны в одинаковой степени. Можно различить три основные разновидности описаний: 1) описание типичных, легко узнаваемых и часто встречающихся ситуаций (читатель сразу понимает, о чем идет речь, но история кажется банальной, потому что такие ситуации и соответствующее поведение часто встречаются и хорошо знакомы); 2) описание узнаваемых, но редких ситуаций (это ситуации и поведение, типичные для некоторого повествовательного жанра, но редкие в реальной жизни читателя, что и делает историю привлекательной); 3) описание нетипичных, непонятных, неузнаваемых ситуаций (состояние героя, обстоятельства, его поведение с трудом поддаются какой-либо однозначной интерпретации, для них не находится общеупотребимых обыденных категорий). Типичная ситуация — это та, которая узнается большинством читателей в качестве типичной, но некоторые ситуации узнаются далеко не всеми и не сразу, вызывают сомнения.

---

¹³ Россияне подвели итоги 2016 г. // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/543171> (дата обращения: 12.04.17).

¹⁴ Устинова Т. В. Шекспир мне друг, но истина дороже. М.: «Э», 2015.

¹⁵ Устинова Т. В. Чудны дела твои, Господи! М.: Эксмо, 2015.

¹⁶ Устинова Т. В. Ждите неожиданного. М.: «Э», 2016.

¹⁷ Устинова Т. В. Селфи с судьбой. М.: Эксмо, 2017.

¹⁸ Робски О. Casual. М.: РОСМЭН, 2005.

Кроме того, ситуации могут быть описаны на разных уровнях абстракции, от предельно конкретного до максимально обобщенного. Однако можно предположить, что существует базовый уровень абстракции в описаниях событий — тот, на котором ситуации будут изначально восприниматься большинством читателей.

Представление о базовом уровне абстракции обыденных языковых категорий впервые было сформулировано Элеанор Рош и ее коллегами в середине 1970-х гг. В отличие от формальной логики, где абстрактные понятия, понятия среднего уровня абстракции и конкретные понятия функционируют абсолютно одинаково, в естественных языках понятия среднего уровня обладают привилегированным статусом, являются базовыми. Люди легче идентифицируют признаки предметов, обозначаемых этими категориями, описывают максимальное количество моторных движений при обращении с этими предметами, легче всего узнают внешние очертания этих предметов. Слова, обозначающие объекты базового уровня, являются наиболее общеизвестными и употребляемыми, их чаще всего используют в нейтральных контекстах и для описания событий повседневной жизни, они в первую очередь осваиваются детьми¹⁹.

Если попросить респондентов описать события, происходившие с ними в течение какого-либо дня, большинство будут описывать их на некотором базовом уровне абстракции: не слишком обобщенно, но и не слишком подробно. Рош опрашивала своих студентов и обнаружила «существенное согласие в том, на какие типы единиц должен быть разбит день — на такие единицы, как приготовить кофе, принять душ, пойти на занятие по статистике. Никто не использовал слишком маленькие единицы, т. е. такие единицы, как взять тюбик с зубной пастой, выдавить зубную пасту на щетку и т. п., никогда не встречались. Люди также не использовали более крупные единицы, такие как “выбрался из дома утром” или “пошел на все мои послеобеденные занятия”.<...> Хороший кандидат на базовый уровень абстракции событий — это тип единиц, на которые студенты разбивали их день. События, которые они перечисляли, были событиями точно такого же типа, для которых Шанк (1975) предложил сценарии»²⁰.

В рамках практических занятий по социологии я тоже давал студентам похожие задания: попросить своих друзей и знакомых сделать описание одного из их недавних дней. Типичные описания выглядят следующим образом: «Умылась. Приготовила себе завтрак и что взять на работу. Накрасилась, собралась. Вышла из дома, села в машину и поехала на работу...»; «Проснулась в воскресенье от того, что залаяла наша собака. Соседи в подъезде что-то очень громко обсуждали. Включила телик, умылась. Позавтракала...»; «Проснулся в 8-45. Решил разбудить дочь, она работает в кафе и к 9-45 должна быть на

---

¹⁹ Rosch E., Mervis C., Gray W.D., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // *Cognitive Psychology*, 1976. 8:382-439. URL: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf>

²⁰ Rosch E. Principles of Categorization // *Cognition and Categorization*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. P. 45. URL: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf

работе. Отправил дочь в ванную, а сам завалился в постель и включил ТВ...»; «Проснулась я сегодня рано, на часах 7.00, сегодняшний день должен быть насыщенным и интересным. Сонная добралась до кухни. На автопилоте включила чайник. Пошла в душ...». Большинство событий описаны на некотором среднем уровне абстракции, который можно назвать базовым. Вероятно, что и в восприятии художественных повествований должен существовать подобный базовый уровень — уровень непосредственного, «естественного» для большинства читателей обозначения той или иной ситуации. Описания на других уровнях абстракции тоже могут иметь место, но они появляются в результате анализа и синтеза описаний базового уровня.

* * *

Методика моего пробного исследования была следующая: я просматривал роман и, если ситуация казалась понятной и узнаваемой, записывал ее короткую характеристику, а затем кратко описывал поведение героя. Я не придерживался какого-либо автоматизированного алгоритма, целиком полагаясь на свою интуицию носителя русского языка, живущего в современной России. Если ситуация была непонятна и не было ясно, как ее описать, я ее не описывал. Это было пробное исследование. В будущем я надеюсь выработать некий алгоритм, а также думаю, что можно будет получать более надежные и репрезентативные результаты путем привлечения нескольких независимых экспертов для анализа одного и того же текста. В частности, тогда же можно будет проверить гипотезу, что базовый уровень абстракции при восприятии ситуаций должен примерно совпадать у большинства экспертов.

Я исходил из того, что отдельная типичная ситуация случается с определенным человеком, а не с несколькими взаимодействующими людьми одновременно. Такой подход позволяет единым образом описывать ситуации индивидуального поведения, ситуации совместного поведения и ситуации взаимодействия. Совместное поведение — это типичная форма поведения, которая реализуется сразу несколькими героями одновременно. Например, люди (человек в толпе) во время пожара бегут (бежит вместе с другими) к выходу из помещения. Ее описание ничем не отличается от описания индивидуального действия. Взаимодействие же предполагает количество описаний, соответствующее количеству ролей. Если взаимодействуют два человека, то у каждого собственная ситуация.

* * *

Приведу пример описания ситуаций базового уровня. В начале романа Робски у героини, которая ревнует мужа к любовнице, звонит телефон:

«Мое имя-отчество произнес в трубку сухой мужской голос. Затем этот голос сообщил, что мой муж погиб. Пять огнестрельных ранений. Два — в жизненно важные органы: легкие и голову. Во дворе нашего московского дома. Водитель в больнице, в тяжелом состоянии. Меня просили приехать дать показания. Выразили соболезнования. Я отвечала вежливо, без истерик. Повесила трубку. Воздух стал таким тяжелым, что легкие отказывались от него.

Казалось, что нить, связывающая меня с миром, оборвалась. Я была на крохотном шатком островке, где меня оставили абсолютно одну.

Я протянула руку к людям. В руке был телефон. На другом конце провода — подруга Вероника. Я сказала, что мой муж убит...»²¹.

Здесь описаны, как минимум, три базовые ситуации. Первая: «Женщине звонят из милиции и сообщают, что ее муж убит. Она в состоянии шока». Вторая: «Богатую женщину, у которой убит муж, просят приехать в милицию, чтобы дать показания». Третья: «Женщина, которой только что сообщили, что муж убит, в состоянии шока, внезапного горя, одиночества». Варианты поведения в первой ситуации, описанные в романе: отвечает вежливо, без истерик — это один вариант (прямо подразумевается, что могла бы закатить истерику — это другой вариант). Варианты поведения во второй ситуации: согласиться (как следует из дальнейшего повествования, именно так делает героиня) или не согласиться (следователи могли бы приехать к ней домой или она вообще могла бы отказаться от показаний — эти варианты в романе не описаны, но они легко могут быть домыслены). Вариант поведения в третьей ситуации, описанный в романе: позвонить подруге, чтобы поделиться с ней своим состоянием; другие возможные варианты, которые мы можем домыслить: героиня могла бы позвонить или пойти к другим людям — родственникам, соседям, могла бы выпить или принять антидепрессанты и т. д.

Основное сомнение, которое возникало у меня при анализе: стоит ли выписывать альтернативные варианты поведения, о которых не идет речь явным образом. С одной стороны, домысливание возможных вариантов поведения позволяет описать контекст поведения героев. Дело в том, что реализованный вариант извлекает из ситуации смысл, суть которого в том, что поведение могло быть другим, могли быть реализованы другие варианты. Таким образом, без описания возможных типичных вариантов поведения описание ситуации является неполным. С другой стороны, краткая характеристика состояния героя, обстоятельств и реализованного варианта поведения может опираться на текст и, в какой-то мере, претендовать на объективность. Например, в принципе, можно натренировать искусственную нейронную сеть на выполнение подобного рода анализа, загружать в компьютер тексты и анализировать их полностью автоматически. Но домысливание вариантов поведения отдельным человеком, опирающимся исключительно на свой собственный опыт, — вещь совершенно субъективная. Снизить уровень этой субъективности можно либо путем опросов и интервью, где респонденты будут оценивать вероятность различных вариантов поведения в той или иной ситуации. Либо путем привлечения многих людей к анализу одного и того же текста. Либо путем обращения к анализу большого числа текстов, из которых будут извлекаться варианты поведения в аналогичных ситуациях.

Попробую проиллюстрировать последнюю идею на примере упомянутых романов. В каждом из них героям приходится куда-то ехать. В одном из романов герой едет в командировку на своей машине, в другом герой на своей машине переезжает в другой город на новое место работы и к нему, опять же на машине, приезжает сестра и бывшая жена, в третьем герой едет в провинциальный дом отдыха на поезде и электричке, в четвертом героиня

---

²¹ Робски О. Casual. М.: РОСМЭН, 2005. С. 8.

улетает на самолете в другую страну. Все эти ситуации похожи тем, что основное состояние героя характеризуется потребностью попасть в другой населенный пункт или страну, а основные варианты поведения связаны с выбором транспорта. Даже не домысливая возможные варианты, только на основе четырех романов мы имеем список основных форм передвижения между городами и странами в современном обществе: автомобиль, поезд, самолет. Если бы я анализировал романы XIX-го века, список типичных транспортных средств был бы иным. Результат выглядит банальным, но он демонстрирует возможности метода.

* * *

Этот же пример можно использовать, чтобы показать, как базовые описания объединяются в обобщенный тип «Поездка, путешествие». Это ситуации, когда героям требуется переместиться из одного места в другое. Поездки в другие города и страны осуществляются либо в деловых целях, в связи с работой, либо ради отдыха, либо чтобы от кого-то скрыться. Варианты поведения связаны с выбором средств передвижения и способами заказа билетов. Эти варианты определяются, в основном, дальностью поездки и финансовым состоянием героев. Внутри города герои Устиновой передвигаются пешком, на общественном транспорте, на собственном или предоставленном кем-то автомобиле, на такси. Героиня Робски перемещается исключительно на собственном «Мерседесе» или аналогичных машинах друзей и знакомых; за рулем может быть как сам владелец машины, так и специально нанятый водитель-охранник. Типичный способ передвижения между городами в пределах европейской части России — на своей машине, на поезде и электричке. Типичный способ путешествия в другую страну — на самолете. Эти описания позволяют обратить внимание, например, на различие между советской и современной российской реальностью. Многие из героев Устиновой едут в командировку в другой город на собственной машине, что в советское время было не типично. Еще бросается в глаза вот какая деталь: когда героине Робски требуется срочно покинуть страну, чтобы избежать допроса в милиции, она в пятницу звонит в агентство и уже к понедельнику имеет визу и билеты. Небогатому человеку такое недоступно, и он был бы вынужден искать другие варианты, например, лететь в страну, где виза не нужна вообще, лично оформляя билеты. А в советское время срочно вылететь за границу в подобных обстоятельствах было просто невозможно.

На основе около 300 ситуаций, описанных в 5 романах, получилось несколько десятков обобщенных описаний. Обобщенные описания формировались по принципу семейного сходства Л. Витгенштейна. Основной критерий принадлежности ситуаций базового уровня к одному и тому же абстрактному типу — наличие похожих типичных форм поведения героев. Описания обобщенных ситуаций первоначально представлялись в виде таблиц, где строчки соответствовали типичным ситуациям базового уровня, а столбцы — типичным формам поведения в данных ситуациях. В клетках таблиц указывались названия текстов и оценки вероятности того или иного поведения.

Таким образом, ситуации обобщались не столько на основе состояний и обстоятельств человека, сколько на основе вариантов того, что он в этих ситуациях мог бы сделать. Например, ситуации, когда герою что-то предлагают

и нужно либо согласиться, либо нет. Предложения могут быть самые различные, как и состояния героя. Но варианты поведения по суди одни и те же: принять или не принять, согласиться или нет, сделать это вежливо или грубо, смягчить или не смягчить отказ, согласиться с радостью или только потому, что очень настаивают, и т. п. Еще один пример: ситуации, в которой влюбленная (или разочарованная) женщина решила начать новую жизнь, сменить свой образ и поменять одежду, с одной стороны, и ситуации, в которой мужчина упал в лужу или был на пожаре и загубил одежду, с другой стороны. Вроде бы очень далекие состояния, но наиболее очевидные выходы — купить или заказать новую одежду.

* * *

Как могла бы выглядеть грамматика поведения, извлеченная из художественных повествований? Женские романы богаты описаниями отношений между мужчинами и женщинами, поэтому приведу краткий набросок грамматики поведения в этой сфере.

Начну с знакомства мужчины и женщины. Две основные разновидности этой ситуации: знакомство целенаправленное, когда один из героев специально делает что-то, чтобы познакомиться с другим, и знакомство случайное, непреднамеренное. Прямолинейные попытки познакомиться с целью дальнейших романтических отношений, как правило, не имеют успеха. Если женщина оказывается в ситуации, когда незнакомый мужчина подходит и говорит, что она ему нравится, просит номер телефона, приглашает в ресторан, ее основные формы поведения — отказать ему либо в грубой, либо в вежливой форме. Согласие возможно, но маловероятно, особенно если женщина богата или известна, а мужчина не выглядит преуспевающим. Мужчины тоже не очень любят, когда девушка при первом знакомстве откровенно кокетничает: как правило, у такого знакомства романтического продолжения быть не может. Совсем другое дело, когда мужчина подошел к женщине, чтобы помочь в трудной ситуации (у нее проблемы с автомобилем или она из-за чего-то плачет), в этой ситуации основная форма поведения — принять помощь, после чего они могут познакомиться. Или они случайно оказываются рядом в самолете, он пьет коньяк и предлагает ей, а она может согласиться (если не на коньяк, то на другой напиток) или нет. Все зависит от ее состояния: понравился ли ей мужчина, одинока ли она, влюблена ли она в кого-то другого, обременена делами или нет. В общем, у случайного знакомства или такого, которое замаскировано под случайное, шансов на романтическое продолжение больше. В нашей культуре такое знакомство более оправдано.

Влюбленный человек делает все, чтобы как можно чаще быть рядом с объектом своей любви, старается познакомиться, а если уже знаком, то всегда и везде предлагает помощь, дарит подарки, ни в чем не отказывает. Мужчина, влюбленный в девушку, которую встретил на круизном теплоходе, постоянно рассматривает ее, когда оказывается рядом. Мужчина, влюбленный в соседку по дому, ищет предлоги, чтобы зайти к ней и предложить свою помощь. Девушка, влюбленная в артиста театра, устраивается туда на низкооплачиваемую работу и в холодную погоду идет в театр в красивом, но тоненьком платье, рискуя простудиться. Женщины вообще и особенно влюбленные женщины

очень переживают из-за того, как они выглядят. Если влюбленная девушка по какой-то причине думает, что выглядит ужасно, она будет прятаться от мужчины, в которого влюблена. А он, если тоже в нее влюблен, будет искренне говорить, что она выглядит замечательно. Влюбленные юноши и девушки вместе гуляют по городу, а потом парень провожает девушку домой, и она может пригласить или не пригласить его к себе. Выбор между этими вариантами во многом зависит от того, живет ли она одна. Если девушка живет не одна, она может пригласить парня к себе, чтобы познакомить его со своими домашними. Если любовь взаимная и влюбленные оказываются наедине, дело почти всегда заканчивается поцелуями, объятиями и сексом. После этого возлюбленные могут начать жить вместе и пожениться. Но это не обязательно. Возможен обратный порядок: влюбленный мужчина сразу предлагает руку и сердце, а потом — поцелуй и объятия.

Романтические отношения между мужчинами и женщинами асимметричны. Женщинам нравится, чтобы мужчина позвонил первым, сам пригласил на свидание, приехал в гости, уговаривал о встрече и т. п. На следующий день после свидания женщина переживает, если поклонник не звонит: он к ней равнодушен или с ним что-то случилось? Что делать: выдержать характер и ждать или позвонить первой? Героиня набирает номер и сразу бросает трубку, потому что выясняется, что мужчина жив-здоров, просто он ей не позвонил. Как только телефон перезванивает, она бежит к нему бегом, но готовится ответить, что занята и перезвонит позже. Такие психологические манипуляции мужчинами — распространенный вариант поведения женщин. Еще пример: женщине звонит любовник, который «провинился» перед ней тем, что провел несколько дней со своей семьей, он хочет заехать к ней в гости, она жаждет его видеть, но врет, что ее нет дома. Основные варианты поведения мужчин в таких ситуациях: если мужчина опытен и не очень влюблен, он может сыграть в ту же игру и дожидаться, когда женщина сама проявит инициативу; еще он может подыграть женщине и притвориться влюбленным; если он действительно влюблен, он притворяться не может и будет звонить, писать сообщения, оставлять под дверью цветы, искать встречи — это то, чего женщина хочет. Женщине важно, чтобы за ней ухаживали, даже если она не влюблена. Она готова держать поклонника в качестве «просто друга», если он на это согласен. Когда женщина не уверена в том, нравится ли ей мужчина, она может познакомить его с подругой, чтобы потом спросить ее совета.

Мужчины могут заводить отношения, не будучи влюбленными — просто ради секса. При этом чаще всего мужчина будет говорить женщине, что влюблен в нее. Если мужчина женат, он может завести любовницу и говорить ей, что не любит жену, но не может развестись по какой-то причине (например, из-за детей). Мужчина может скрывать от любовницы, что он женат. И почти наверняка будет скрывать от жены, что у него есть любовница. В одном из романов женщина встречает любовника в ресторане, куда он пришел с женой. В присутствии жены он делает вид, что не узнает любовницу. Любовница обижается и ревёт в туалете. Это типичные варианты. Вариант, когда мужчина говорит жене: «Познакомься, это моя любовница» почти невозможен.

Замужние женщины средних лет боятся, что мужа могут завести любовницу. Если мужчина богат, то молодая любовница появится у него почти наверняка. Жены это знают и ревнуют богатых мужей к молодым девушкам. Одна из героинь сопровождает мужа везде, где только может, чтобы не дать ему шанса с кем-нибудь познакомиться. Другая героиня случайно встречает мужа в ресторане с девушкой, изнывает от ревности, но, стараясь говорить спокойно, предлагает ему пожить отдельно. Какие еще у нее были варианты? Очевидно, что она могла не суметь или не захотеть сдерживаться и устроить скандал. Могла расспросить мужа о том, с кем он был в ресторане, выяснить отношения. Могла сделать вид, что ничего особенного не заметила. Ревность как таковая, видимо, является культурной универсалией. Но далеко не все ее проявления являются приемлемыми в нашем обществе. Например, маловероятным в данной ситуации было бы агрессивное нападение на соперницу прямо на глазах у мужа и посторонних людей. С другой стороны, очевидно, что далеко не в каждом обществе жена может предложить мужу пожить отдельно или предложить это всего лишь на том основании, что он завел любовницу.

Любовницы, в свою очередь, ревнуют мужчин к их женам. Они требуют от мужчины бросить жену, развестись, обижаются и угрожают разрывом отношений. Мужчины в ответ, как правило, что-то врут и дарят подарки. Подарки также дарят женам, чтобы вымолить прощение, после того как не ночевал дома, был пьян, дрался и т. п. Одна из героинь сначала грозит выгнать, а затем прощает мужа, который избил ее и изнасиловал, после того, как он со слезами на глазах, стоя на коленях, просит у нее прощения. Это объясняется тем, что она его любит, у них двое детей, а он очень богат. Не уверен, что подобный исход был бы возможен, например, в современном нам североамериканском обществе. Суть ситуации в том, что героиня хотела не столько разрыва, сколько раскаяния со стороны мужа, а агрессия и семейное насилие в нашей культуре пока еще не очень табуированы.

Этот набросок можно было бы продолжить, но цель данной статьи заключалась не столько в описании подробной грамматики поведения, сколько в демонстрации того, что подобную грамматику в принципе можно извлечь из художественных повествований. Анализ всего лишь пяти женских романов показывает, что в них можно найти описание многих ситуаций и форм поведения, типичных для нашего общества, культуры и эпохи. Причем не только в отношениях между мужчинами и женщинами, но и в воспитании детей, образовании, бизнесе, политике и т. п. Думаю, что подобное исследование более репрезентативной выборки текстов позволит в будущем создать базу данных для сравнительного анализа поведения на основе художественных произведений и использовать ее для систематической проверки различных теоретических гипотез.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вахштайн В. С.* Социология повседневности и теория фреймов. Санкт-Петербург : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
2. *Волков В. В.* Как работают суды общей юрисдикции в России, 13 октября 2013. URL: <http://polit.ru/article/2013/10/13/volkov/>

3. Профессия ученый. Вадим Волков. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BAkCWz0omKU&feature=youtu.be>
4. Психология социальных ситуаций/ под ред. Н. В.Гришиной. Санкт-Петербург : Питер, 2002.
5. Робски О. Casual. Москва : РОСМЭН, 2005.
6. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / пер. с англ. В. В. Румынского ; под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна. Москва : Аспект Пресс, 1999.
7. Россияне подвели итоги 2016 г. // Интерфакс. URL: <http://www.interfax.ru/russia/543171> (дата обращения: 12.04.17).
8. Устинова Т. В. Ждите неожиданного. Москва : «Э», 2016.
9. Устинова Т. В. Селфи с судьбой. Москва : Эксмо, 2017.
10. Устинова Т. В. Чудны дела твои, Господи! Москва : Эксмо, 2015.
11. Устинова Т. В. Шекспир мне друг, но истина дороже. Москва : «Э», 2015.
12. Funder D. C. Persons, behaviors and situations: An agenda for personality psychology in the postwar era // Journal of Research in Personality 43 (2009) P. 120–126.
13. Mischel W. Personality and assessment. Mahwah, N.J. : Lawrence Erlbaum Associates. 1996 (1968) // URL: http://books.google.ru/books?id=K9iSmMooJTcC&pg=PA1918&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=3#v=onepage&q&f=false
14. Riverside Situational Q-sort Version 4.0. URL: <http://rap.ucr.edu/qsorter/RSQ%204-0.pdf>
15. Rosch E. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. URL: http://commonweb.unifr.ch/artsdean/pub/gestens/f/as/files/4610/9778_083247.pdf
16. Rosch E., Mervis C., Gray W. D., Johnson D., Boyes-Braem P. Basic Objects in Natural Categories // Cognitive Psychology, 1976. 8:382-439. URL: <http://www.cns.nyu.edu/~msl/courses/2223/Readings/Rosch-CogPsych1976.pdf>
17. Schank R. C., Abelson R. P. Scripts, plans, and knowledge. Proceedings of the 4th international joint conference on Artificial intelligence, Tbilisi, USSR – September 03 – 08, 1975. San Francisco: Morgan Kaufmann Publishers Inc., 1975. Vol. 1.
18. The Riverside Behavioral Q-set (RBQ) Version 3.11. URL: <http://rap.ucr.edu/qsorter/RBQ3-11.pdf>